

Самые лучшие
ЦИТАТЫ И АФОРИЗМЫ
ФАИНА РАНЕВСКАЯ
РИНА ЗЕЛЕНАЯ

Муля,
не нервируй меня!

Фаина Георгиевна Раневская
Рина Васильевна Зеленая
Яна Юдина
Муля, не нервируй меня!
Серия «Исключительная
книга мудрости»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43298374

*Муля, не нервируй меня! / Раневская, Фаина Георгиевна, Зеленая, Рина
Васильевна.: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116707-3*

Аннотация

Рина Зеленая и Фаина Раневская! Такие разные, но неуловимо похожие друг на друга. Они познакомились и подружились во время съемок фильма «Подкидыш». Знаменитую фразу Раневской «Муля, не нервируй меня!» придумала Рина Зеленая. Их яркие остроумные реплики мгновенно становились крылатыми. Речь казалась сотканной из афоризмов. Но если Рина отличалась иронией и мягкостью («Пришла старушка, попросила воды попить. Потом хватились – пианины нету»), то Фаина, наоборот – резкостью и прямоотой (например, окрестила одну актрису «помесью гремучей змеи с колокольчиком»).

Эти две замечательные актрисы запомнились зрителям не только своими ролями в кино, которые сделали их королевами эпизода, но и любовью наблюдательностью и пронизательностью высказываний.

Содержание

Им было интересно друг с другом	6
Фаина Раневская	11
Муля, не нервируй меня!	11
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Фаина Раневская,
Рина Зеленая
Муля, не нервируй меня!**

Предисловие Эдгара-Кирилла Дальберга

Составление сборника Яны Юдиной

© Р.В. Зеленая (наследники), 2019

© Э.-К. Дальберг, предисловие, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Им было интересно друг с другом

Рина Зеленая и Фаина Раневская! Их искрометность была частью их феноменального таланта – быть незабываемыми и органичными в самом крохотном эпизоде. Они всегда переигрывали всех, но сыграли до обидного мало. Главных ролей им практически не давали. Магия же их мастерства заключалась в том, что Зеленая и Раневская остались и в XXI веке, их не забыли. Обе актрисы были соавторами своих ролей. Любой незначительный эпизод они умели превратить в произведение искусства, импровизируя и всегда создавая нечто определенно новое.

Рина Зеленая свои эпизодические, но ставшие знаковыми роли домработницы в «Подкидыше» и гримера в киноленте «Весна» придумала сама, импровизируя на ходу в каждой сцене. «Старушка одна тоже зашла, попить воды попросила. Попила воды, потом хватились – пианины нету», – творение Рины Васильевны. Знаменитую фразу Раневской из «Подкидыша» – «Муля, не нервируй меня!» – тоже придумала Рина Зеленая. Их дружба с Раневской, собственно, и началась на съемках этого фильма.

Остроумные, ироничные, им было интересно друг с другом. Фаина Георгиевна стала частым гостем в доме Рины Васильевны и ее супруга – архитектора Константина Топуридзе, человека большой эрудиции и незаурядного ума. Любо-

знательная Раневская часто приставала к Константину с вопросами касательно происхождения и смысла ранее не известных ей слов.

Зеленая и Топуридзе помогли Фаине с покупкой кооперативной квартиры, одолжив ей денег, которые Фаина Георгиевна так и не смогла им вернуть. Она часто повторяла Рине: «Только на том свете я смогу вернуть вам долг», – на что та ей отвечала: «Фаиночка, там деньги мне будут уже не нужны». Рина Васильевна прекрасно видела и понимала что Фаина – абсолютно непрактичная, доверчивая, словно большой ребенок. Как говорила Ахматова о Раневской: «Вам, мой дорогой друг, 11 и никогда не будет 12 лет». Но Рина видела и подлинный актерский дар Раневской, ее уникальный феномен: актриса одним лишь жестом или поворотом головы могла показать всю суть своей героини.

Надо сказать, что Раневская часто любила повторять: «Люди стыдятся бедности, но не стыдятся богатства». Фаина Георгиевна категорически этого не понимала. Деньги у нее никогда не задерживались, она больше всего любила дарить подарки своим друзьям. А дружить Фаина умела. Когда ее близкая подруга – звезда советского кино – Любовь Орлова оказалась без ролей в Театре им. Моссовета, то Фаина Георгиевна предложила ввести Любочку на свою роль миссис Сэвидж в легендарном спектакле Леонида Варпаховского «Странная миссис Сэвидж». Эта роль стала для Орловой последней. Вскоре актриса тяжело заболела и ушла из жиз-

ни, а Раневскую она до конца своей жизни нежно называла «Мой Фей». С теплотой и вниманием относилась Фаина Георгиевна и к талантливой молодежи, пришедшей в Театр им. Моссовета.

У красавицы актрисы Татьяны Бестаевой, ныне легенды этого театра, Раневская часто спрашивала:

– Танечка, вы вышли замуж?

– Нет, Фаина Георгиевна, пока еще не вышла.

– Ну ничего страшного, пусть будут приходящие.

Но не ко всем так ласково и мило относилась Раневская. Она могла быть довольно резкой: окрестила Ию Саввину «помесью гремучей змеи с колокольчиком», а беседы Юрия Завадского с труппой театра, на которые сама ходить не желала, называла «мессой в бардаке». Да и с Юрием Александровичем Фаина Георгиевна частенько ссорилась. Один раз он не выдержал и громко прокричал актрисе: «Вон из театра!» – на что Фаина ответила мэтру: «Вон из искусства!»

Все, в том числе и Завадский, прекрасно понимали степень одаренности Раневской, многое ей прощали. Человеком она была не злым, но не терпела бездарностей и людской подлости.

Рина была куда более деликатной и всё всегда старалась превратить в шутку. Во время съемок «Шерлока Холмса и доктора Ватсона» режиссер Игорь Масленников спросил у Риной, игравшей миссис Хадсон: «Как мне вас называть: Рина Васильевна или Екатерина (настоящее имя актрисы. –

Э.Д.) Васильевна?» Зеленая произнесла: «Зовите меня Руи-на Васильевна».

Дети Рину обожали, она говорила с ними на их языке, но по-взрослому, видя в каждом ребенке личность.

Роли 300-летней черепахи Тортиллы в «Приключениях Буратино» и Бабушки в фильме «Про Красную Шапочку» принесли Рине Васильевне огромную популярность среди детской аудитории в СССР. Песня черепахи Тортиллы, исполнявшаяся Зеленой, – это символ самого прекрасного и волшебного периода нашей жизни – детства. Эти замечательные сказочные картины режиссера Леонида Нечаева и сегодня смотрятся с большой теплотой. Раневская тоже снималась в детских фильмах, а фразы, сказанные ее героиней – Мачехой из Золушки: «Я буду жаловаться королю» и «Жалко, королевство маловато, разгуляться мне негде» – не забудутся никогда.

Двух актрис также объединяла большая любовь к талантливым людям. Обе преклонялись перед Александром Таировым и Алисой Коонен, очень поддерживали Алису Георгиевну, когда ее лишили Камерного театра и когда она овдовела. Это о Таирове с Коонен Раневская скажет: «Бог мой, как я стара – я еще помню порядочных людей».

Речь этих актрис была будто соткана из афоризмов, но у Рины все всегда было наполнено иронией, шутками, мягкостью, а вот Фаина Георгиевна любила припечатывать: «Я пью много лекарств, а теперь буду пить и антипырьин». Имелся

в виду кинорежиссер Иван Пырьев, повздоривший с Раневской.

Обе актрисы прожили долгую драматичную жизнь, не называя себя звездами. Людьями их поколения это слово воспринималось как не очень приличное; разумеется, Зеленая и Раневская знали себе цену, но всегда готовы были жертвовать собой во имя искусства. За кулисами не было сил, но сцена и экран их лечили – играя, они моментально преображались. И это было счастьем для зрителей, для публики, которая ходила на Зеленую и Раневскую, навечно поселившихся в наших сердцах.

Эдгар-Кирилл Дальберг

Фаина Раневская

Муля, не нервируй меня!

* * *

Настоящая фамилия Раневской – Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я – дочь небогатого нефтепромышленника...» Дальше дело не пошло.

* * *

В архиве Раневской осталась такая запись: «Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо – не хочется. Хорошо – неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания – это богатство старости».

* * *

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

– Дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...

* * *

– Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

* * *

– Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами. Высушив, решила украсить ею туалет,

набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П.Л. Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

* * *

– Знаете, – вспоминала через полвека Раневская, – когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

* * *

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

– Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «Судьба – шлюха».

* * *

– В театре меня любили талантливые, бездарные ненави-

дели, шавки кусали и рвали на части.

Как я завидую безмозглым!

* * *

– Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

* * *

– Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я во-
ткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

* * *

– Я – выкидыш Станиславского.

* * *

– Я провинциальная актриса. Где я только ни служила!
Только в городе Вездесранске не служила!..

* * *

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заика-

ющейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь. «Фаина, – сказал Эйзенштейн, – ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!»

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула: «Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!» Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

* * *

– Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полу клонясь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрюта стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

* * *

– Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

* * *

– Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

* * *

Раневская вспоминала:

– Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

* * *

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим

к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

– Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

– Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

– Но ведь так нельзя жить, Фаина.

– А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

– Господи! У вас даже окно не открывается...

– По барышне говядина, по дерьму черепок...

* * *

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

– Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

– Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все

равно всегда разная...

* * *

– Как вы живете? – спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

– Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, – ответила Фаина Георгиевна.

* * *

– Фаина Георгиевна, как ваши дела?

– Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью – повидло.

* * *

– Как жизнь, Фаина Георгиевна?

– Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

* * *

– Почему вы не пишете мемуаров?

– Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о

ней совсем некогда.

* * *

– Жизнь – это затяжной прыжок из п...зды в могилу.

* * *

– Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

* * *

– Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

* * *

– Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

* * *

– Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

* * *

– Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

* * *

– Старость – это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман – и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

* * *

– Старая харя не стала моей трагедией – в 22 года я уже гримировалась старухой, и привыкла, и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стер-

вы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

* * *

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

– Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

– Паспорт человека – это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить как восемнадцатилетняя.

* * *

– Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год...

Сию в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник – домашний клозет.

– Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

* * *

– Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф).

Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки... *48-й год, 30 мая.*

(Из записной книжки народной артистки)

* * *

– Старость – это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

* * *

– Старость – это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

– Воспоминания – это богатства старости.

* * *

– Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

* * *

– Оптимизм – это недостаток информации.

* * *

– Спутник славы – одиночество.

Одиночество как состояние не поддается лечению.

* * *

Раневская сказала Зиновию Паперному:

– Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!

* * *

Подводя итоги, Раневская говорила:

– Я родилась недовыявленной и уйду из жизни недопо-

казанной. Я недо...

* * *

– Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.

* * *

– У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

* * *

– Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

* * *

– Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

* * *

– Ничего, кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

* * *

– Для меня всегда было загадкой – как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?

(Из записной книжки)

* * *

– Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

* * *

– Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела, как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все как у людей.

* * *

– Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу

так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не родился. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

– У нее не лицо, а копыто, – говорила об одной актрисе Раневская.

* * *

О новой актрисе, принятой в Театр имени Моссовета:
– И что только не делает с человеком природа!

* * *

– Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, – говорила она о другой.

* * *

Об одном режиссере:
– Он умрет от расширения фантазии.

* * *

– Пипи в трамвае – все, что он сделал в искусстве.

* * *

Главный художник «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с искусным голосом».

* * *

О коллегах-артистах:

– У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

* * *

Раневская о проходящей даме:

– Такая задница называется «жопа-игрунья».

* * *

А о другой:

– С такой жопой надо сидеть дома!

* * *

Обсуждая только что умершую подругу-актрису:

– Хотелось бы мне иметь ее ноги – у нее были прелестные ноги! Жалко – теперь пропадут...

* * *

Однажды Раневская участвовала в заседании приемной комиссии в театральном институте.

Час, два, три...

Последней абитуриентке в качестве дополнительного вопроса достается задание:

– Девушка, изобразите нам что-нибудь очень эротическое, с крутым обломом в конце...

Через секунду приемная комиссия слышит нежный стон:

– А... аа... ааа... Аа-а-а-пчхи!!!

* * *

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

– Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора,

он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красotka!»»

* * *

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

– Скажите, – спрашивает Раневская, – вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы – большие и толстые?

– Просто диета у нас особенная: утром – кекс, вечером – секс.

– Ну, а если не помогает?

– Тогда мучное исключить.

* * *

– У него голос – будто в цинковое ведро ссыт.

* * *

– Критикессы – амазонки в климаксе.

* * *

– Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство,

что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

* * *

– Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера!
Торгуют душой, как пуговицами.

* * *

Режиссера Варпаховского предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

- Очень хорошо, я и сам так считаю.
- Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.
- С какой стати?
- Этого не знает никто. Она все может сказать.
- Я тоже кое-что могу.
- Не делайте ей замечаний.
- Как, вообще?!
- Говорите, что мечтаете о точном психологическом рисунке.
- И все?
- Все. Впрочем, этого тоже не говорите.
- Но так нельзя работать!

– Будьте бдительны.

– Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались.

– Это ваше режиссерское кредо?

– Да, пока оно таково.

– Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит жопа, ой, простите, я хотела сказать спинной хрэбэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена... Посмотрите, собака! Пси-на моя бедная! Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди... погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят. Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста...

– Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, – я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

– Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

– Даю слово, Фаина Георгиевна.

– Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

– Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы уди-

вительная! Вы прекрасно репетируете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.